

была организована акция по доставке колоколов с маяков Дальнего Востока. Руководителем операции был назначен товарищ атамана ТКС Жданов Юрий Кузьмич, недавно умерший! Эти колокола были сняты большевиками с церкви Тюмени и отправлены на Дальний Восток. Необходимо отметить, то колокола всегда считались душой православного народа. Исследователям еще предстоит разобраться, сколько колоколов было в Тюмени перед революцией, сколько уничтожено во времена воинствующего атеизма и сколько сохранилось, где они? Время неумолимо пролетает, уходят в вечность казаки — участники далеких событий. Да и память человеческая недолговечная — стали уже забывать, кто и что делал из казаков в начале 90-х годов. Казачество тем и сильно, что основывалось на традициях и памяти поколений. Той памяти, которая не дает забыть дела старшего поколения! Поэтому и наши деяния должны остаться в истории и памяти казаков. Вот что сохранилось в моей памяти: «1992, весна, март месяц. Накануне атаман Тюменского казачьего союза Хмелев Геннадий Иванович приказал встретить поезд Владивосток — Москва № 1, в почтовом вагоне находились колокола. Поезд прибыл утром, и его встречали следующие казаки:

1. Симонов Валерий Анатольевич
2. Болдырев Александр Николаевич
3. Сухоруков Владимир Митрофанович
4. Миронов Борис Григорьевич
5. Белов Иван Романович
6. Домотырко Игорь Евгеньевич
7. Фролов Константин Михайлович
8. Долгушин Александр Егорович (умер)
9. Тюльков Александр Викторович
10. Рогожин Виктор Ефимович (парализован)
11. Паньков Матвей Артемьевич
12. Сизиков Иван Естафьевич (умер)

Во главе с есаулом Артемьевым Игорем Анатольевичем мы разгрузили почтовый вагон и вынесли колокола на привокзальную площадь. Далее на жердях несли колокола до городского сада — это где-то два квартала, подменялись, пока не прибыл гужевой транспорт. Колокола были доставлены в Знаменскую церковь, и там разгрузили. 21.10.2009 г.».

КАЗАКИ В РЕМЕЗОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И ЛЕГЕНДЕ «СВЯТОЙ НИКОЛАЙ И КАСЬЯН НЕМИЛОСТИВЫЙ»

В. Н. Евсеев, Г. С. Зайцев, Россия, г. Тюмень

В сибирском фольклоре, становление которого протекало на огромной территории за «Камнем» (за Уральскими горами), главная тема — освоение Сибири. Но в таком случае нельзя пройти мимо казачьего сибирского фольклора. В статье обращается внимание на духовно-нравственный, воспитательный потенциал народной словесности — на примере фрагментов Ремезовской летописи, казачьей легенды «Святой Николай и Касьян Немилостивый».

Самосознание россиян издревле строилось на любви к своему Отечеству, на уважении к традициям общественным и семейным, а они транслируются из поколения в поколение и благодаря фольклору — в нем находят выражение национальные ценности. Существенную роль в воспитании россиянина выполняет фольклор казачества — субэтноса, целью которого (так определилось исторически) было служение Отечеству, его защита (охрана границ и поддержание порядка на закрепленных за казаками территориях). Казачество, сформировавшееся на окраинах Московской Руси и Украины как военно-

земледельческие общины вольных поселенцев, сыграло значительную роль в собирании Русской земли. В начальную пору освоения Сибири ее коренными жителями казак воспринимался как опасный «человек с ружьем». Но надо и помнить, что казачество по призыву исполняло военную функцию. Будем правдивы: казачество участвовало в колониционном процессе Российского государства, но оно никогда не строило резервации для присоединенных коренных народов Сибири, не истребляло их, как это имело место на американском континенте по отношению к индейцам. В начальную же пору присоединения Сибири к России казакам вменялась обязанность оборонять от внешней угрозы московских данщиков; это вначале вогулы (прежнее название народа манси) и остяки (название народа ханты и некоторых народов Севера), а затем и другие сибирские племена, народы.

В судьбе самих казаков немало трагических страниц, в их числе — геноцид, учиненный советской властью по отношению к ним в 1920-1930-х годах (политика расказачивания, репрессии; до 1936 года казаков не призывали в армию). С 1990-х годов наблюдается процесс возрождения российского казачества, он закрепляется подписанной 2 июля 2008 года Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым «Концепцией государственной политики в отношении российского казачества»; концепция призвана обеспечить дальнейшее развитие казачества, сохранение его самобытности, традиций, культуры.

В судьбе российских казаков немало славных страниц служения родной отчине, одна из страниц — сибирская. История присоединения Сибири к Российскому государству начинается с деяний казаков, отправной точкой и центром событий становится Зауралье, в том числе и территории нынешней Тюменской области. Краткую историческую справку найдем в статье А.П. Яркова: *«За Уралом казаки появились после того, как купцы Строгановы наняли казачью вольницу во главе с атаманом Ермаком для борьбы с набегами сибиряков. Перейдя через Уральские горы, казаки избрали наступательную тактику и 26 октября 1582 г. заняли г. Искер. Походы 1583-84 гг. были для Ермака также успешными, но в ночном бою в устье реки Вагай 5 августа 1585 г. Ермак погиб, а оставшиеся в живых 90 человек «ушли на Русь». История сибирского казачества начинается с конца лета 1585 г., когда посланный на помощь Ермаку отряд «государевых служилых людей» остался на зимовку в устье реки Иртыш и поставил там «городок», названный впоследствии Обским. В 1586 г. в Сибирь вновь пришли оставшиеся в живых «ермаковы казаки» и вместе с отрядом Василия Сукина и Ивана Мясного «срубили острог» — Тюмень — на месте прежней Чимги-Туры. Ядро казачества составляли «государевы служилые люди» и переведенные из тяглогового населения крестьяне и посадские. В 1587 г. при участии казаков был основан Тобольск, который с 1590 г. стал главным городом Сибири. <...> На территории Сибирской (Тобольской) губернии с 1736 г. находились поселения Исетского казачьего войска, созданного из потомков воинов Ермака, освоивших берега рек Исеть, Миасс; Иртышской и Ишимской укрепленных линий» [7, с. 140].*

О первых походах казаков за Каменный пояс повествуют сибирские летописи, в частности Ремезовская, составленная сибиряком Семеном Ульяновичем Ремезовым (1642 — после 1720) — талантливым картографом, историком, этнографом [см. 1]. Он переработал обнаруженную в городе Кунгуре летопись («Летопись Сибирская краткая (Кунгурская)»), она дополнила его историческое сочинение — «Историю Сибирскую»; труд одного из первых сибирских историков сейчас называется Ремезовской летописью (1697-1710). В летописи повествуется о походах «ермаковых казаков» за Урал, о начальном периоде присоединения Сибири к Российскому государству. Повествование представляет собой «сплав традиций летописного жанра, воинского повести, житийной литературы, собравший в себя многочисленные фольклорные сюжеты» [1, с. 414].

Для нас немаловажен тот факт, что С.У. Ремезов родом из «служилых людей». «Государеву службу», подчеркивает В.И. Белич, Семен Ремезов «начал в 1668 г. казаком, зачисленным под начало отца (стрелецкого сотника Ульяна Моисеевича Ремезова. —

В.Е., Г.З.) для устройства слобод и пашен в Ишимском остроге Тарского уезда» [1, с. 409]. Выходит, что казачий быт С.У. Ремезов знал не понаслышке, его можно отнести к казачьей элите того времени. Поэтому казаки — главные действующие лица его историко-поэтического повествования.

Приведем два фрагмента Ремезовской летописи, где фигурируют казаки. Первый фрагмент мы условно назвали «И приплыли к Устью Турбы...»:

«И приплыли к устью Турбы к концу Долгого Яра в 26 день июля на восходе солнца. И увидели бесчисленные басурманские силы, ожидающие прихода Ермака. Казаки же перепугались и причалили к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым.

И по явлению Спасителя, когда Ермак и казаки увидели, что зная с Его образом, почитаемое казаками, само собой [снялось] с места и двинулось вперед вдоль левого берега Тобола реки вниз [по течению], то все одновременно за ним погребли вдоль того берега. Нечистивые же выпустили бесчисленные стрелы дождем с горы на струи. Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили. Когда же прошли, зная само на свое место встало» [4, с. 153-154; см. также: 2, с. 50].

Очевидно, что С.У. Ремезов опирался не только на предшествующие летописи, но и на предания казаков, местного населения, то есть на устные рассказы о прошлом, преимущественно историческом. В преданиях рассказывается об истории края, общенациональных событиях, исторических деятелях. Назначение жанра — сохранять память о прошлом, что мотивирует установку на историческую достоверность. Вымысел в предании опирается на исторические факты, вытекающее из него обобщение (или мысль, поэтическая идея) не противоречит исторической правде.

Летом 1581 года дружина Ермака передвигалась по реке Тоболу к столице Сибирского ханства. В устье реки Турбы войско хана Кучума устроило казакам засаду. Предание, основой которому послужили, видимо, изустные рассказы ермаковых казаков, объясняет спасение казаков свершившимся чудом (зная, как Божье провидение, указывало им безопасный путь по реке), хотя исследователи предполагают, что Ермак применил тогда «хитрый» военный маневр, который и позволил ему избежать поражения.

Сибирский хронист развивает религиозное обоснование действий Ермака, его дружины: «Но Богом хранимы [казаки] это место прошли так, что и волоса не сронили». Ремезов показывает казаков как бы «изнутри» их сообщества. Он не стремится изобразить казаков былинными богатырями, эпическими героями (казачий фольклор богат образами героического эпоса). Под его пером ермаковы казаки — смелые военные люди (они совершают подвиги, как говорили тогда, «не щадя живота своего»), но они и обычные люди, которым известен страх: «Казаки же перепугались и причалили к острову выше Яра, держали совет [и] просительную молитву вознесли Святой Троице, Пресвятой Богородице и всем святым».

Такими же казаки предстают и во втором фрагменте с фольклорным началом, они испытывают страх перед многочисленным местным войском, но вместе с тем действуют тактически грамотно, проявляя смелость и смекалку, военное мастерство (летописный фрагмент мы назвали «Принесли с собой Белогорского идола...»):

«На второй год после смерти [Ермака] посланы воеводы из Москвы Иван Мансуров с товарищами, с ним сто человек ратников. Когда плыли по Иртышу, то видели на Иртышском берегу, как песка, вражеского войска, ожидающего [момента] для нападения, по донесению знавшего, что послан [из Руси] малый отряд. И испугавшись, [русские] проплыли, гонимые страхом, вплоть до Оби реки. Увидев же ледостав, поставили крепость на Обью против устья реки [Иртыша] и сели зимовать.

Собрались с Иртыша и с Оби множество остяков и окружили крепость, и день сражались, только к вечеру нечистивые отступили. Утром же принесли с собой Белогорско-

го идола и поставили его под березу. И молились, и жертвы приносили, чтобы взять крепость. И во время жертвоприношения [казаки] прицельно выстрелили из пушки и идола их вместе с деревом разбили на многие части. Нечистивые очень испугались, не зная, [что это было,] думая, что из лука человек разбил, и все разошлись восвояси. И потом ясак принесли; а к весне [русские] прошли через Камень» [4, с. 209-210; см. также: 2, с. 50].

В 1585 году Разрядным приказом во главе отряда стрельцов и казаков для помощи Ермаку поставлен полковой воевода Иван Алексеевич Мансуров, по прибытии за Камень сменивший Ермака на посту воеводы Сибири. В его задачи на посту сибирского воеводы входило обложение ясаком (данью) коренных народов края, строительство крепостей. Обский городок поставили на Оби близ устья Иртыша, в центре Белогорского княжества, территории приобских племен, предпринявших штурм крепости. Предание гласит, что меткий выстрел, разбивший идола (фетишизированное божество) остяков, привел их в повиновение. Потрясенные случившимся, они (язычники, поэтому в традициях еще древнерусского этикета, опирающегося на готовые стилистические формулы, клише, названы «нечистивыми») сами принесли ясак, то есть согласились быть московскими данщиками.

С основания Обского городка собственно и начинается история службы казаков в Сибири. «В Сибири, — отмечает историк, — сложилась особая группа казаков — казаки служилые, которые подразделялись в зависимости от происхождения, условий службы, материального обеспечения на беломестных (привилегированная часть казачества, которая проживала в приграничных укреплениях и получала крупные земельные наделы, денежную помощь; в 1724 г. были включены в сословие государственных крестьян) и выписных (привлекавшихся на службу из местных крестьян для сторожевой службы; в середине XVIII в. их перевели в сословие государственных крестьян). После разгрома восстания Е. Пугачева (1772–74 гг.) монархия решила использовать казачество в своих целях, то есть окончательно огосударствить. Крепостные и городовые казаки теряют прежние частные названия «тобольских», «верхнеиртышских» и переименовываются в линейных — «сибирских линейных казаков», чьи права и социальное положение определялось особым порядком отбывания военных и земских повинностей. В 1808 г. утверждаются Положение и штаты Сибирского линейного казачьего войска, а с 1822 г., согласно «Уставу о сибирских городовых казаках», было создано 8 полков городовых казаков. В Тобольске городовая команда включала более 2 500 казаков, подчиненных через «голов», атаманов, сотников, ротмистров местной администрации. Они имели три вида жалования: деньги, хлеб и соль, значительные земельные наделы. В функции казаков, кроме исполнения воинской и административной служб, входили обеспечение «таможенного дела», отправка «хлебных запасов», сбор ясака и т.д.» [7, с. 139-140].

После «Ермакова взятия» Сибири продолжилось движение казаков на восток, в результате огромные территории были присоединены к Российскому государству: «Просуществовавший 70 лет возле Полярного круга торгово-казачий городок Мангазея стал отправной точкой продвижения казаков на восток от реки Енисей. В течение XVII в. экспедиции тобольских, березовских, мангазейских казаков под командованием Черкаса Рукина, Андрея Рукина, Самсона Навацкого, Воина Шахова, Ивана Реброва основали Енисейский, Красноярский, Якутский, Илимский остроги, открыли «Юкагирскую землю» и дошли до Тихого океана» [7, с. 140].

Именно о масштабной деятельности казаков в Сибири и повествуется в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Легенду собиратель казачьего фольклора, писатель Борис Александрович Алмазов записал в Сибирском казачьем войске, текст опубликован в его сборнике 1996 года «Казачьи сказки» [см. 5, с. 155-158].

Казачья легенда, зафиксированная в среде сибирского казачества, рассказывает о том, как святые Николай и Касьян отправились в светлых ризах на восток к Христу и, шествуя по облакам, увидели внизу, на земле, завязший казачий обоз, направляющийся также на

восток. Святой Николай помогает казакам, Касьян же отказывается, за что и получает от Господа прозвание Немилостивый. Текст легенды Б.А. Алмазов, охвативший в своих публикациях широкую географию казачьих сказок, собравший, обработавший их, считает сказкой. И хотя в дальнейшем он зачислил произведение в разряд «православных сказок», мы констатируем, что «Святой Николай и Касьян Немилостивый» в жанровом отношении — скорее *казачья христианская легенда апокрифического содержания*.

Само произведение явно не сказочного содержания, а религиозного по существу, так как все его содержание охватывается христианскими ценностями и идеями сострадания, милосердия, альтруистической помощи ближнему и т.п. Мы не найдем в произведении сказочного хронотопа, то есть особой пространственно-временной сказочной организации сюжета и образной картины (сказочное двоемирие, когда герои отправляются в иной мир, «за тридевять земель»), сказочных чудес и помощников. Да, святой Николай спускается с облаков, но он, помогая казакам вытащить телеги и пушки из болотной грязи, действует по-земному, как и сами казаки; говоря языком текста, важна его «пара рук»: «Казаки из сил выбились, каждая пара рук на счету», *«Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить»* [5, с. 156]. Религиозная картина мира исключает двоемирие, для православного человека мир видимый и невидимый не разделены, это цельный и единый мир (континуум) под эгидой высших сил.

Чудесное в легенде и сказке подается с точки зрения жанровой картины мира. В христиански-легендарном народном сюжете чудесное воспринимается как возможное в действительности — для верующего человека. Сказка же, тем более — волшебная (именно в ней чудесное становится сюжетообразующим элементом), никогда не скрывала, что в ней воспроизводится вымышленный (условный) мир — мир воображения и мечты, противопоставленной действительности. В фольклорной легенде чудесное воспринимается как достоверность, это определяет структуру, систему образов, поэтику произведения. В группу христианских рассказов входят легенды о Боге, Христе, Богородице, святых, ангелах, являющихся в мир в образе странников, нищих (к данной группе примыкают легендарные сказки с христианскими темами в контексте ветхозаветных или евангельских историй). В мире религиозно-дидактических легенд человеческие отношения и судьба отдельного человека испытываются высшими силами, результат испытания мотивирует христианское наказание или вознаграждение. (Отметим, что и в тексте рассматриваемой легенды мы находим связанную с христианской оценкой поступков ключевую формулу: *«По вере вам Господь и воздаст»*.) В легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» эта схема перевернута: за немилосердие наказывается святой Касьян: он не оказал помощи труженикам-казакам в их богоугодном деле. Конфликт в ней носит не сказочный, а морально-христианский характер, так как развитие сюжета построено на оппозиции *милосердие — немилосердие* (нравственное — безнравственное).

Казачий фольклор самобытен и вместе с тем содержит в себе общечеловеческие ценности. К базовым ценностям, формирующим личность, относятся патриотические и духовно-нравственные, эти ценности общечеловеческие. Патриотизм, духовность, нравственность формируются в душе человека с детской поры, но это формирование происходит только тогда, когда в обществе, социальной группе, семье, в государстве существует нечто *священное*. Именно об этом и идет речь в легенде о святых и казаках. Казачья душа, как и вообще русская, иррациональна. Ей присущи и свободолюбие, и, как сказали бы в пору Древней Руси, «чинность», то есть почитание традиции: источники патриотизма, духовно-нравственных ценностей лежат в глубинных (генных) пластах народной памяти, в традициях и обычаях, в вере и фольклоре.

Ценности патриотизма, нравственности, духовности вплетены в содержательную канву легендарного сюжета «Святой Николай и Касьян Немилостивый». Жанровая карти-

на мира оказывается самобытной — казачьей. Хронотоп (пространственно-временной образ мира) легенды — *хронотоп казачьего служилого бытия*. Он разворачивается в произведении и с точки зрения сакрального бытия (в нем доминируют высшие, священные ценности), и с точки зрения земного бытия, ибо мы в легенде «Святой Николай и Касьян Немилосердный» найдем ответ и на вопрос, как же сами казаки воспринимают свою роль в истории государства.

Легенда «Святой Николай и Касьян Немилостивый» соответствует отмеченным нами базовым ценностям, она отражает этапы продвижения казаков в Сибирь, на Восток. На Восток идут не только святые Николай и Касьян (к Христу в «Царствие Небесное» [5, с. 155]), но и обоз с людьми — казаками и их семьями. По православному учению на востоке, где всходит солнце, находится Иисус Христос. Царство Небесное (Царство Божие), рай в сознании верующих были ориентированы на восточную сторону. Они (как духовная сущность) находятся на небе и в восточном направлении по отношению к земле; в Писании, в церковных сочинениях Иисус Христос именуется «Солнцем Правды», «Востоком», где-то на востоке возник библейский рай: «И насадил Бог рай в Едеме на Востоке» (Быт. 2, 8). Иисус Христос вознеся на восток, с востока ожидается второе Его пришествие, поэтому православные молятся на восток, на восток лицом хоронят своих родных, на восток расположены алтари православных храмов. На Восток же, как это представлено в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый», устремился и российский народ, присоединяя и включая в свои владения новые дальневосточные земли. Следовательно, огромное сибирское пространство сакрализуется — освящается присутствием православного Бога. Оно также наполняется человеческими действиями и деяниями святых, наполняется повседневным и тяжким трудом казаков: сибирская территория перестает быть просто «территорией», а переводится в сюжете легенды в сферу духовной культуры. Мы не услышим в легенде ни грома пушек, ни ружейной пальбы, потому что вопрос стоит так: а какие духовно-нравственные ценности принесут с собой казаки на новые земли? Или это будут только пушки, которые они везут с собою? Сюжет выстроен таким образом, что базовые ценности как бы «испытываются», проверяются в пути на Восток. Что несет в своей душе казак — веру, трудолюбие, взаимопомощь или он лишь «человек с ружьем», который не только охраняет, но и может принести с собой насилие?

Сюжет построен на целом ряде оппозиций (противопоставлений), но не вымышленных, а соответствующих народным и православным традициям, народному календарю.

Святой Николай, увидев утонувший в болоте казачий обоз, предлагает Касьяну спуститься и помочь людям (Касьян неохотно соглашается). Мы узнаем, что казаки идут из разных мест — с Днепра, Дона, Терека, Волги и Яика: *«Следуем по царскому указу на берег Тихого океана станицы ставить, границы державы охранять»* [5, с. 155]. Очевидно, что создается собирательный образ казачества, которое станет Сибирским казачеством. Святой Николай готов помогать казакам (и просит также о помощи и Касьяна): «— Чем же помочь вам? Да помоги отец! Помоги Христа ради!» [5, с. 156]. Ответ Касьяна «немилостив»: «— Да мы же ризы праздничные выпачкаем! — Да Бог с ними, с ризами, давай христианам поможем. — Нет! — говорит Касьян. — Кто их сюда послал, пусть тот и помогает!» [5, с. 156]. Святитель Николай прославился тем, что безмерно любил людей и помогал им. Нравственная составляющая легенды — оказывать помощь ближнему своему, не чваниться своими одеждами и происхождением; обратит внимание, что казаки святого Николая называют «отцом»: «Да помоги, отец! Христа ради!» [5, с. 156].

Напротив, святой Касьян отказывается помочь казакам, ссылаясь на праздничные одежды. Ответ Касьяна (ссылка на одежду) символизирует его социальный статус, а не духовный, поэтому атаман восклицает «Эх, барин!» [5, с. 156]. Казаки, следовательно, воспринимают Касьяна не как равного себе, а как барина, не способного и не желающего оказывать помощь попавшим в беду. Именно с этого эпизода и разворачивается оппозиция

милосердный — немилосердный. Укажем, что у Николая Чудотворца было еще одно прозвание в православно-народной традиции — *Милосердный, Милостивый*: считалось, что он обладал «высшим даром любви милующей и сострадательным сердцем». Подтверждение традиции именования мы можем обнаружить и в тюменском фольклоре. Например, в записи на территории Тобольской губернии Петром Алексеевичем Городцовым легенды «Христос-молотяга»; она записана в 1907 году в деревне Артамонова Тюменского округа (ныне территория Ярковского района) от Дмитрия Никифоровича Плеханова. Легенда о наказании жадного богача за греховность (не подает нищим) начинается так: «Однажды истинный Христос и *Никола Милостивый* приняли образ странников и пошли путем-дорогою...» [6, т. 2, с. 347].

В смысловом отношении значимым является и следующий эпизод: «Схватился Святой Николай за доску, что была к лафету привязана, хорошая доска дубовая. Хотел под колесо положить. Казаки как закричат: «Отец, не трожь доску, она святая» [5, с. 156]. Казаки везут не только домашний скarb, пушки, но и разобранную церковь, чтобы поставить ее на новом месте в крепости: «Эта церковь дедами нашими намолена! Она нам мать и заступница» [5, с. 157], и этот поступок казаков высоко оценивается святым: «*Мало я на Святой Руси видел такой веры. По вере вам Господь и воздаст*» [5, с. 156]. Действительно, на Камчатке появилась деревянная церковь, ее казаки привезли с Дона в XVII веке. Мы видим огромную веру казаков, духовную связь со своими предками, молившимися в родной церкви. Сама церковь — материальное воплощение святости, уважения к своему прошлому, к традициям и обычаям.

В заключительной части повествуется, как казаки, с Божьей помощью, двинулись к месту своего назначения. Святые Николай и Касьян же предстали пред Христом. Состоялся потрясающий, с точки зрения исторического и морального смысла, разговор между Христом и святыми:

« — *Где же ты, Николай, так изволился?*

— *Так и так, — Святитель отвечает. — Казакам-переселенцам помогал!*

— *А ты что же, Касьян? — Христос Касьяна спрашивает.*

— *Стану я одежды свои праздничные в грязи марать! Мы ведь к Тебе шли, Господи!*

— *Шли-то вы точно ко мне! — говорит Христос. — Да пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна. Как ты мог, Касьян, казакам-воинам не помочь — они ведь тебя о помощи моим именем просили. Глянул Господь с небес, а казачий обоз уже к океану вышел, на пустынном берегу топоры стучат — дедовскую церковь поднимают. Благословил их Господь и сказал:*

— *Да будет вам, чада мои верные, место новой Родины. А тебе, Николай, будет в году четыре праздника: весенний, зимний, осенний и летний! И звать тебя будут Божьи Угодником. А тебе, Касьян, один праздник в четыре года 29 февраля, и прозвание тебе будет Немилостивый. Так по слову Божию и сталося. А казаки окиян-море переплыли на лодьях, и на том берегу на Аляске поставили крепость и церкву свою отеческую и назвали ее крепостью Святого Николая» [5, с. 157-158].*

Выбор святого Николая «действующим лицом» фабулы казачьей легенды не случаен. В православном календаре празднование святителю Николаю Архиепископу Мир Ликийскому, Чудотворцу осуществляли несколько раз в году (22 мая, 19 декабря). На некоторых территориях были местные святые Николан, поэтому могли отмечать праздник святого Николая и четыре раза в году; на чем, собственно, также проводится в легенде противопоставление святых Николая и Касьяна. В сознании казаков, русского народа святой Николай являлся Божьим Угодником. Примечательно, что Николай Угодник почитается не только казаками, но и некоторыми коренными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока. В мифологии ненцев Ямала святой Николай значится под именем *Микола* и является главным помощником Нума — верховного божества. Святой Николай является небесным

покровителем сибирских казаков. Войсковой праздник Сибирского казачества справляется 19 декабря, в народном календаре день зовется *Днем Святого Николая-зимнего*. Поэтому сюжет легенды о казаках-сибирцах и увязан с именем и милосердием святого Николая, и важно подчеркнуть, что черты, присущие святому, присущи и самим казакам.

Смысл разговора между Христом и святыми определяется мыслью о нравственном выборе жизненных дорог («пути выбрали разные, хотя дорога у вас была одна»), в контексте разговора оценивается и путь казаков в Сибирь. Они предстают перед нами не бездушными наемниками, а тружениками-воинами, исполняющими службу естественно — по долгу и вере: для них важен смысл совершаемых ими действий, поэтому они перевозят и сакральный центр своей родины (церковь) на новое место.

Казак вверял свой «живот» (жизнь) царю, атаману и Богу. От казака же «власть требовала постоянной воинской готовности и боевой выучки, беззаветной смелости, верности присяге» [7, с. 139]. Исполнение воинских обязанностей (а это и война, участие в сражениях, значит, кровопролитие) не освобождало его от другого долга — от заботы о чистоте своей души, от дум о нравственном и безнравственном. Ему следовало быть «крепким в вере», различать добро и зло в окружающем мире. Именно такими казаки (хранимые Богом) предстают в историко-поэтическом повествовании у С.У. Ремезова, в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый» — они православные труженики-воины на службе Отечеству. Речь в данном случае идет о православных, но будем помнить, что на «государевой службе» находились казаки, представляющие разные народы, народности и веры, и это не противоречило исполнению воинского долга в многонациональной Российской империи.

Казачья служба — тяжелый труд с переездами, исполнение воинских повинностей, усердие во имя общего дела. Все это выражено в легенде посредством точной метафоры — застрявший на пути к цели в земной грязи казачий обоз, стремление казаков вовремя прибыть на новое место службы. Разговор на небесах Христа со святыми, оценка их поступков с точки зрения высшей силы — это проекция христианских ценностей (добродетелей) за земное бытие казаков. Естественному милосердию (радению о других) святого Николая противопоставляется эгоизм Касьяна. Формируется еще одна смысловая оппозиция, она основана на предельном христианском внимании (верующего человека) к внутреннему миру, к духовному содержанию личности. С одной стороны, можно выматываться (как казаки и святой Николай) в земной грязи, но быть чистыми душой. С другой стороны, можно, как Касьян, заботиться о внешней чистоте (своих одежд), но утратить при этом чистоту духовную, следовательно, и нравственную.

«Святой Николай и Касьян Немилостивый» — легенда «апокрифического» типа (определение «апокрифический» обычно употребляется по отношению к книжному или рукописному сочинению). В книжной традиции еще на заре христианства получили широкое хождение апокрифические сочинения, а на их основе — и фольклорные произведения (греч. *арокгурнос* — «тайный»). Содержание апокрифических произведений и сочинений существенно отступало от принятого в официальном вероучении христианского (церковного) канона, поэтому такие произведения отвергались церковью (понятно, что книжные апокрифы распространялись тайно). Святой не может быть немилосердным по официальному вероучению, церковь не могла канонизировать греховного человека в ранге святого. Образ Касьяна в рассматриваемой легенде не имеет никакого отношения к святому Кассиану, день памяти которого приходится на 29 февраля. В истории христианской церкви Кассиан — основатель монашества в Галлии и один из главных теоретиков монашеской жизни (родился около 360 г.). В народных же представлениях, вопреки реальной биографии, житиям о святом Кассиане (Касьяне в русской транскрипции), создан был отрицательный образ святого. Да, святой, но «немилостивый», он рисовался в народной устной традиции, фигурировал в поверьях с отрицательными чертами: Касьян *немило-*

стивый, немилосердный, скупой, остудный, корыстник, завистливый, кривой и т.п. Суть в том, что день 29 февраля занимает особое место в календаре, в частности в народном крестьянском календаре. Этот день бывает один раз в четыре года. Надо помнить, что и в русском средневековье (до XV века) Новый год открывался мартом, то есть он открывался через каждые три года после Касьянова дня. А затем этот день был в високосном году. Високосный год всегда считался в крестьянских суевериях годом опасным. В народной традиции существовало поверье, что 29 февраля вообще не стоит, хотя бы до обеда, выходить из дома, не стоит начинать каких-либо дел. День памяти святого Касьяна отмечается один раз в четыре года. По народному же объяснению выходило, что Бог лишил Касьяна ежегодных именин за недоброжелательность (немилосердие) к бедным людям. Поэтому день его памяти (да еще на стыке зимы и весны) числился одним из самых плохих и опасных («зловредных») дней народного календаря (что, в свою очередь, распространялось на весь год). Отсюда и проистекает щедрость нелестных характеристик в адрес Касьяна — не реального святого, а созданного мифологического образа.

Теперь мы должны ответить на вопрос, является ли «Святой Николай и Касьян Немилостивый» легендой, вариантом народного сюжета? Уточним, что традиционный (классический) фольклор по существу крестьянский. Именно «крестьянский космос» составлял устной (фольклорной) традиции сюжетные схемы (их называют «фольклорными мотивами»), которые существовали в вариантах. Фольклорный сюжет подтверждается наличием вариантов (однократное исполнение традиционного сюжета с небольшими отклонениями, порождаемыми устной культурой рассказчика, этногеографическими традициями и т.д.). Наличие вариантов означает, что традиционный сюжет (основной мотив, который объединяет смысл и форму подачи материала, его называют также «инвариантом») принят (создан) народом, так как он получил широкое распространение в устной передаче от поколения к поколению. Казаки в историческом прошлом — воины и крестьяне. В качестве они верстались из крестьянской среды, за службу получали земельные наделы. Они оседали на определенных территориях, заново «окрестьянивались» и по царским указам (смотри об этом выше), и по выслуге лет, врастали семьями, сложившимся бытом на новой земле, которая становилась их родиной. Казак, следовательно, такой же активный носитель общерусского и этнического фольклора, как и любой другой россиянин.

По Руси издавна ходил легендарный сюжет (а не сказочный сюжет!) о святом Касьяне и Николае Угоднике. Мы уже знакомы с его сутью (смыслом) по тексту из сборника Б.А. Алмазова. Народный сюжет — о том, что святые, направляясь в рай, шли по дороге и увидели мужика, тащившего воз из грязи и обратившегося к святым за помощью. Касьян ответил отказом, думая о своей ризе, а Николай Угодник, засучив рукава, без лишних слов вытаскивает воз из грязи. Понятно, что один явился в рай в чистой, а другой в грязной ризе. Бог, по прибытии святых в рай уточнивший, почему у них такие ризы, лишил Касьяна ежегодных именин за неотзывчивость к бедным людям (достаточно и одного раза в четыре года).

Для нас авторитетными будут мнение российского фольклориста, этнографа XIX века Сергея Васильевича Максимова (кстати, обследовавшего не только ряд центральных российских губерний, но и Русский Север, Приамурье и Дальний Восток), сведения из его книги «Нечистая, неведомая и крестная сила». В его книге о народных верованиях есть раздел о Касьяне немилостивом. Обратив внимание на народную легенду об отступничестве Касьяна от Бога, С.В. Максимов указывает, что «не это отступничество от Бога послужило источником охлаждения православных темных людей к Касьяну, а главным образом его «немилостивое» отношение к бедному народу», в подтверждение приводит легенду, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии: *«Однажды Касьян, вместе с Николаем Чудотворцем, шел по дороге, и встретился им мужичок, который увязил воз в грязи. — Помогите, — просит мужичок, — воз поднять». А Касьян ему: «Не могу, —*

говорит, — еще испачкаю об твой воз свою райскую ризу, как же мне тогда в рай придти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Чудотворец ни словечушка мужику не ответил, а только уперся плечом, натужился, налег и помог воз вытащить. Вот пришли потом Николай-угодник с Касьяном в рай, а у Николая-то вся как есть риза в грязи выпачкана. Бог увидел это и спрашивает: — «Где это ты, Микола, выпачкался?» — «Я, говорит Николай, — мужику воз помогал из грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» — спрашивает Господь Касьяна. — «Я, Господи, боялся ризу запачкать». Не понравился этот ответ Богу, увидел Он, что Касьян лукавит, и определил: быть Касьяну именовником раз в четыре года, а Николаю-угоднику, за его доброту, два раза в год» [4, с. 287-288].

Какие новые элементы привнесены в легенду «Святой Николай и Касьян Немилостивый» с традиционным крестьянским сюжетом (необходимо сравнение на предмет выявления их сходства и различия — такова суть подхода к фольклору, он опирается на сопоставление вариантов). Вместо мужика-труженика с увязшим возом — казаки с обозом на необозримом пространстве Сибири; «прибавочные» элементы — казаки с семьями, пушки, разобранный церковь, их векторное движение — вплоть до Аляски; на Аляске была поставлена российская крепость Святого Николая. Другая сторона вопроса: а что привнесено составителем сборника казачьих сказок, какие он детали привнес от себя в традиционный сюжет, почему он текст «Святой Николай и Касьян Немилостивый» относит к сказочному жанру? Мы же подчеркнем, что фольклор не детализирует, он сразу — минуя индивидуализацию, конкретику — порождает образы с широким обобщением. Мы видим громадное пространство России, собирательный образ будущего сибирского казачества: казаки идут из разных мест их концентрации на территории европейской России. В сжатом образе охвачено громадное пространство расселения российского казачества — «часовых империи» (по выражению Андрея Смирнова). В XVIII веке, после открытий казаков-первопроходцев Владимира Атласова, Семена Дежнева (службу начинал рядовым казаком в Тобольске), капитана-командора Витуса Беринга, казаки переплыли пролив, соединяющий Азию и Америку. Началась история Русской Америки, и она не сводима лишь к пушкам, саблям, пушнине. Русские принесли с собой и веру. В 1794 году на Аляске появляется Российская духовная миссия. В православную веру за два года были обращены 12 тысяч алеутов. Россия ушла из Северной Америки, но до сих пор на Аляске существует около 80 алеутских и индейских православных общин.

В казачьей легенде традиционный крестьянский сюжет не изменился по существу, но приобрел именно казачью интерпретацию. Сюжет «вписан» в историю сибирского казачества. Традиционная сюжетная схема (путь святых на суд к Богу через испытание их добродетелей по дороге к Нему) наслаивается на исторический путь казачества в Сибирь, вследствие чего трудный и труженический подвиг казаков наполняется высшим (сакральным) смыслом: они идут на Восток вместе со святым Николаем (не Касьяном!), выполняя свои задачи, идут, следовательно, по направлению к Богу.

Произведения, к которым мы обратились, позволяют посмотреть на казаков глазами... самих казаков, то есть через призму их фольклора. Чем больше точек зрения на явление, тем полней его картина, в том числе и история службы казаков в Сибири... История же службы сибирских казаков может рассматриваться не только в физическом, но и в духовном измерении, как это и имеет место в легенде «Святой Николай и Касьян Немилостивый», в Ремезовской летописи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белич И.В. Ремезов Семен Ульянович // Тобольский биографический словарь / Отв. ред. В.Ю. Софронов. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2004. С. 409-416.
2. Живое слово. Фольклор юга Тюменской области: Хрестоматия для школ / Под ред. В.Н. Евсеева.

Тюмень: ООО «Печатник», 2008. 232 с.

3. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила / Послесл. Н.В. Ушакова. СПб: ТОО «Полисет», 1994. 446 с.
4. Ремизовская летопись: История Сибирская. Летопись сибирская краткая Кунгурская. Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2006. 272 с.
5. Святой Николай и Касьян Немилостивый [текст] // Алмазов Б. Казачьи сказки. СПб.: Издательский дом «Пенаты», 1996. С. 155-158.
6. Христос-молотыга [текст] // Городцов П.А. Были и небылицы Тавдинского края: В 3-х тт. / Под ред. В.Я. Темплинга; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. С. 347-351.
7. Ярков А.П. Казаки // Тюменская область: народы, языки, культура: Энциклопедический справочник / Гл. ред. И.С. Карабулатова. Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2007. С. 138-141.

СОХРАНЕНИЕ ПЕСЕННОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ

В. Н. Есиков, Россия, г. Тюмень

С древнейших времен казачий народ твердой ногой стоял на освоенных для России обширных территориях, сохраняя повсюду свои особенные нравы и обычаи, своеобразное воинское устройство и управление, старинный говор, песенную культуру. А в основе этого уникального российского явления, коим является казачество, стоит главная казачья заповедь: «Постоять за други своя, за Отечество и Веру Православную». Выполняешь пращурские заповеди — прощаются тебе все земные грехи, а в награду получаешь «веноч блистающий и Царствие Небесное», и вот почему непобедимой была в бою казачья лава...

История Российского государства подтверждает справедливость слов великого русского писателя Льва Толстого о том, что «казаки сотворили Россию... Россия казаками желает быть». Считая себя рыцарями Православия, а служение свое Отчизне — знаком Божественного благоволения, наши предки собирали Святую Русь воедино и донесли до нас, потомков, не только ее крепость и могущество, но и твердость, силу веры и православного благочестия. Для русского человека отношение к своей Родине — это отношение и к святости, поэтому в понятие Родины издавна русское сознание вкладывало религиозный смысл, а Россия называлась Домом Божьим, Домом Пречистой Богородицы. И о святости, и о святынях нашей земли нужно помнить, их нужно почитать. Нужно помнить и то, что длительное время казачий характер формировался православной культурой.

Эти православные истоки казачьих традиций мы сохраняем в деятельности нашего ансамбля «Тюмень казачья». Истоки не потерялись в глубине веков, они реально продолжают жить в наших песнях, чувствах и мыслях, душах наших, они будут бережно передаваться последующим поколениям, они наглядно проявляются в песнях нашего ансамбля, входящих в литературно-музыкальную композицию «Лампада неугасимая», отрывок из которой приводим ниже:

«Покажи мне, какой ты человек,
и я покажу тебе, какой твой Бог.
Покажи мне глаза твоей души, видят ли они,
и уши сердца твоего, слышат ли они.
Бога видят те, кто способны Его услышать,
когда очи души их открыты»